

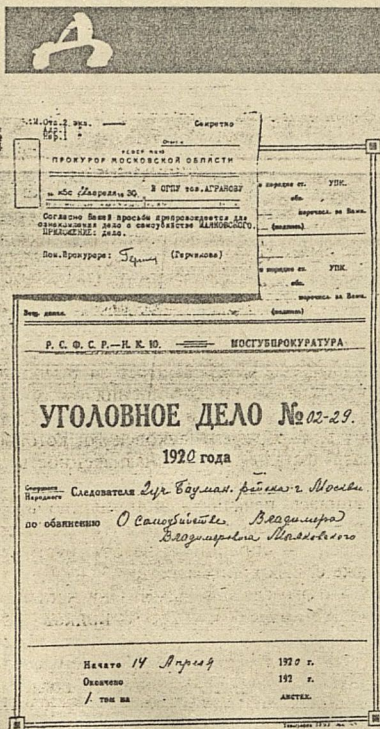
1993 № 5
Маяковский В.В.

АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ
АРХИВ

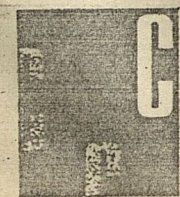
29

Тем не менее, как и при жизни поэта, даже в год его 100-летия не прекращается поток статей, в которых наперебой стараются очернить В.Маяковского или кого-нибудь обвинить в его смерти.

За страницами ДЕЛА № 02-29

СМЕРТЬ Маяковского и по сей день таит много загадок, требующих ответа. Так, не опубликовано ни одного документа, связанного со смертью поэта. Мы не располагаем протоколом вскрытия и заключения судебно-медицинских экспертов 1930 года.

Тем не менее на протяжении многих лет сотрудники музея В.В.Маяковского вели приiski этих материалов, по крупицам собирали и записывали воспоминания современников поэта, делали запросы в архивы КГБ. Ответ был всегда один: материалов о самоубийстве в архивах нет. (Публикации В.Скорятина помогли установить местонахождение этих материалов в Президиумском архиве РФ.)

И вот перед нами уголовное дело № 02-29 «О самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского». Открываем папку с прикрепленным бланком от 22 апреля 1930 г. под грифом «секретно»: в ОГПУ тов. Агранову. Согласно Вашей просьбы препровождается для ознакомления дело о самоубийстве Маяковского. Пом. прокурора Герчикова. Акт вскрытия тела поэта в деле отсутствует.

Смерть Маяковского обростала злонамеренными слухами о мнимой болезни поэта. Именно поэтому те, кому был дорог В.Маяковский, настояли на вскрытии, чтобы прекратить ходившие сплетни. В фонде музея

хранятся воспоминания В.Сутырина, подтверждающие этот факт.

Между тем, беседа с медиками, нам удалось установить: вскрытие было произведено профессором В.Т.Талалаевым, что подтверждено и зятем В.Т.Талалаева, патологоанатомом Г.Г.Геворкяном, ныне покойным, а также внучкой, Татьяной Гайковной (тоже патологоанатом, работает в МОНИКАХ). По ее свидетельству, дед был абсолютно уверен, что это самоубийство.

Ценнейший документ, приложенный к делу о самоубийстве Маяковского, — дневник Михаила Презента. Но кто же такой М.Презент, нам ничего не было известно. Как удалось установить, это был журналист, работавший в то время в секретариате Енукидзе. Судьба М.Презента сложилась трагически, в 1935 году он был репрессирован. Возможно, его дневники, которые явились хроникой событий тех лет, стали роковыми в судьбе журналиста. М.Презент в эти трагические дни пытался узнать о Маяковском все, что было возможно. В его окружении некоторые знали, что он вел дневники, вероятно, об этом стало известно ГПУ, и по их просьбе М.Презент переписал в клеенчатую тетрадь «О Маяковском» все, что записал в эти дни о смерти поэта. Запись из дневника: «...В ночь на 17.4. в 1 ч. 30. я заехал в клуб федерации. Ворота на запоре. Зал справа, где лежит тело, ярко освещен. Видно через ворота, как в глубине двора, у входа в клуб, три-четыре человека, дворник и еще кто-то, стоя на скамейке, пытаются взглянуть на

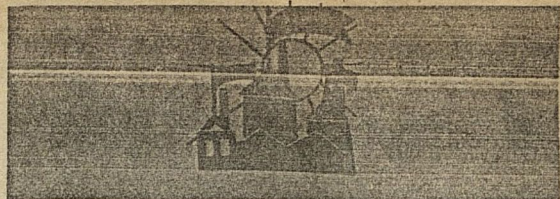
второй этаж, где тело... Пришел в комиссию. Сидят Ионов, Агранов, Сутырин. Уставшие. Прошу у Сутырина разрешения пройти к телу — нельзя, его сейчас бальзамируют. Причина веская. Я вышел, отложив посещение на утро...»

Этот момент запечатлен на фотографии, сделанной фотокорреспондентом «Огонька» С.О.Фридляндром (двоюродный брат художника Б.Ефимова и Мих.Кольцова). Под фото подпись: «Бальзамируют Маяковского», 16 апреля. Эта подпись также ввела в заблуждение многих. Это было не бальзамирование, а визуальный осмотр проф. Талалаевым в клубе писателей, где был установлен гроб с телом поэта. Затем его перевезли в клинику для вскрытия. По свидетельству академика медицины В.В.Серова, было произведено в одной из презектур московских клиник В.Талалаевым. (Ныне 1-я Московская медицинская академия им.Сеченова.) К сожалению, здесь архив протоколов за 1930 год не сохранился. Что ж, след потерян окончательно? Надежда, однако, остается. В воспоминаниях * художника Н.Денисовского, посетившего с женой и Л.Брик квартиру Я.Агранова, читаем: «Он хотел показать нам браунинг и пулю, которую вынули из сердца Маяковского... У него в неогороженном шкафу это все лежало». И снова вопросы. Почему вещественные доказательства Я.Агранов хранил дома? Не мог ли там находиться и протокол? Ни для кого теперь уже не секрет, что спецслужбы окружали В.Маяковского, как и многих деятелей литературы тех лет, но из этого нельзя делать вывод, что они убили В.Маяковского, что утверждается во многих статьях. Тем не менее, как и при жизни поэта, даже в год его 100-летия не прекращается поток статей, в которых наперебой стараются очернить В.Маяковского или кого-нибудь обвинить в его смерти.

В 1992 году музеем В.В.Маяковского была произведена судебно-медицинская экспертиза НИИ криминалистики (эти материалы были опубликованы в «Литературной газете»). Это заключение доказало несостоятельность версий об убийстве поэта.

* Хранятся в фондохранилище архива МГУ.

Лариса КОЛЕСНИКОВА,
хранитель мемориального фонда
Гос. музея В.В.Маяковского

АМЕРИКА, год 1925-й...

Окончание. Начало на 24-й,
25-й стр.

Лонг-Лейк и поселился в гостинице «Сагамор».

Элли Джонс вспоминает также, что она была у Хургина в этой гостинице на Лонг-Лейк за день до его гибели. Он был очень нервен, скупал по своей семье. И все время говорил о ней, которую, как считала Элли Джонс, «держали в запойниках», и все время читал ей стихи, прочел «Мойдодыр» Чуковского.

Потом она была вынуждена срочно уехать из гостиницы — этого потребовал Чарльз Рехт, приславший за ней машину. А через день, в понедельник утром, ей позвонил Рехт и сказал, что Хургин утонул. «Это было во времена Троцкого. Дело Троцкого...»

«Жутко думать, что такой милый, блестящий человек вчера был жив, а сегодня мертв... Я всегда чувствовала, что его убили. Я действительно испугалась».

Элли Джонс не называет Склянского — говорит, что забыла фамилию, хотя знает, что погиб и другой человек, только что приехавший из Москвы... Вспоминает она и еще одного человека, приехавшего повидаться с Хургиным. Действительно, как видно из документов, ставших мне теперь доступными, вместе со Склянским приехал и некто Б.Берлацкий. Приехали в это время в Америку еще Иванов и Шведчиков. Элли Джонс рассказала также, что после гибели Хургина Чарльз Рехт привез ее на свою квартиру, где находилась его мать, и как считает Элли Джонс, для того, чтобы ее не могли найти корреспонденты и расспросить о Хургине, так как она видела его одной из последних.

А в начале сентября Рехт устроил у себя вечеринку, на которую пригласил Маяковского и Элли Джонс. Она вспоминает: «Я находилась еще в шоке после смерти Хургина... Я была и на его похоронах».

На вопрос Маяковского, знает ли она, кто он, и читала ли его произведения, «я вежливо отвечала, что Хургин рассказывал о нем и что я

его читала». На этой вечеринке к ней подошел человек, которого она видела в Самаре, но не помнит его фамилию, «он был там комиссаром и навел ужас на весь город» и попросил ее о встрече. Она согласилась. «Мы уничтожили все Ваши письма к Хургину», — сказал он ей. «Пожалуйста, отдайте письма Хургина. Это был шантаж, так как мы с Хургиным никогда не переписывались».

Два года назад я предполагала, что Маяковский знал правду о том, что же произошло на озере Лонг-Лейк, и писала об этом. Теперь я могу писать об этом уже с уверенностью.

«Внезапная смерть Хургина при подозрительных обстоятельствах... — рассказывает Элли Джонс, — потрясла всю эмигрантскую русскую колонию и опечалила и глубоко огорчила друзей Хургина, никто из которых, включая Маяковского, не верил в официальную версию его смерти... Хургин лично способствовал выступлению Маяковского, он снабжал его деньгами и поддерживал его в попытке опубликовать свои работы в Америке».

Необходимо хотя бы кратко сказать о Чарльзе Рехте, которого так часто упоминает Элли Джонс.

Рехт — литератор и юрист был в это время юрисконсультом «Амтор-

га» и близким другом Арманда Хаммера. В 20-х годах приезжал в Москву. Рехт был включен в похоронную комиссию, на которую возлагались кремация и отправка урн в СССР. Выступал он и на гражданской панихиде 31 августа в зале для прощания Кемпбелл, там же, где говорил над гробом Хургина и Маяковский.

За эти годы я читала много документов, связанных с гибелью отца, видела открытку с озером Лонг-Лейк...

Хочу остановиться на документе, о существовании которого я знала, упоминала о нем, но не читала. Это отчет «Подробности гибели товарищей И.Я.Хургина и Е.М.Склянского», отправленный наркомом иностранных дел Г.Чичерину из Нью-Йорка в 12 часов ночи 30 августа 1925 года и подписанный Б.Краевским, Б.Сквирским, Б.Берлацким. Их всех нет в живых.

Б.Сквирским, который был «негласным представителем Наркоминдела в США», подписаны и другие документы. В 1937 году он был расстрелян. Б.Берлацкий приехал в Соединенные Штаты вместе со Склянским, то есть за три дня до его гибели. Б.Краевский был сотрудником «Амторга».

Их постигла та же участь, что и Сквирского. Из этого пространного

15-страничного документа видно, что никакой бури на озере не было и что никто не предпринял никакой попытки их спасти, хотя «через четыре-пять минут с момента, когда опрокинулся человек», на этом месте были четыре лодки с американцами (кто эти люди, со слов которых многое написано в документе, не говорится, фамилий их нет). Кто-то точно отмечал время: «Челнок перевернулся в 5 часов 52 минуты».

«Маяковский не отходил от гроба, стоящего несколько дней в Нью-Йорке, — вспоминает современник. — Тысячи людей прошли мимо гроба, и высокая фигура Маяковского возвышалась над ними, как символ скорби».

Он все понимал и поэтому никогда не говорил об этом публично и ни разу не написал о Хургине.

Самому Маяковскому оставалось жить меньше пяти лет.

